

ЧУЖОЕ ПЛАМЯ

Актер не судит о достоинствах пьесы. Монах не рассуждает о тексте молитвы. Переводчик не говорит о качествах романа. Это дано им свыше, как дождь или мусор. Переводчиково дело – действовать с отрешенностью.

Когда работаешь с текстом, происходит такое погружение в него, как при изучении другого языка. Этот материал начинаешь чувствовать изнутри: как он устроен, как развивалась авторская мысль, как сформирована стилистика. Близорукие очки непременно переводить так, как у автора. Кто знает, какой в них спрятан настоящий смысл. И неуклюжий оборот взять как есть: в неправильностях прячется авторская индивидуальность. Вот так пробираешься сквозь слова, и на каждом шагу – соблазны. А что до непристойностей, до жаргона – не знаю. Это невозможно перевести адекватно, потому что за каждым просторечным словцом порой такая семантическая бездна, что ее и эхом не охватишь.

И в ситуации, когда переводчик литературно более одарен, нежели автор оригинала, текст перевода окажется более качественным и цельным в стилистическом отношении. Это занятие высасывает собственную творческую энергию, что ясно понимали Ахматова и Мандельштам во времена, когда переводами кормились все. Переводчик должен все время быть отстранен и не должен иметь собственных творческих амбиций. В чем-то это сродни актерству, если не монашеству. Но кто сможет переводить Шекспира?